

— Геннадий Леонидович, популярности вашей можно позавидовать, хотя вас не встретишь на депутатской трибуне или очередной политической «тусовке». Уход в мир «чистого искусства» был сознательным?

— Мне тоже иногда казалось, что я далек от всяких функциональных вещей и, поддаваясь легкому дуновению ветра, занимаюсь «чистым искусством». Но сейчас, перебирая в памяти сделанное, понимаю, что нет почти ни одной крупной работы, которая не была бы связана с каким-то социально-политическим скандалом.

Мой дебют в театре — спектакль по пьесе Розова «В дороге». Я начал еще студентом сниматься в фильме по этому сценарию, но картина была запрещена, а сценарий в тогдашней прессе осужден и признан «вредным». Розов принес его в театр, и Юрий Александрович Завадский принял пьесу. Спектакль вышел и пользовался огромным успехом именно у того поколения, которое тогда представлял я. Это был и политический успех. На фестивале Наций во Франции никто не ожидал, что Советский Союз может показать спектакль, в котором нет ни лозунгов, ни восхвалений нашего образа жизни, а есть какой-то парень с «диссидентским» мышлением, отрицающий действительность вокруг себя.

Дальше — крупнейшая работа Завадского «Петербургские сновидения» по Достоевскому. Опять же я был свидетелем скандалов, о которых зрители да и многие критики не знали. Завадского обвиняли чертё в чем: в нарушении «научного подхода» к Достоевскому, в склонности к христианству. Меня упрекали в чисто романтическом исполнении роли Раскольникова, хотя сейчас, просматривая архивные киноленты, я не нахожу ничего романтического. Скорее, патологический реализм, надрыз.

Потом — «Глазами клоуна» Генриха Белля. Спектакль продержался в репертуаре двадцать лет, и не только на моей юности и «конфетной» красоте, как с иронией заметила Раневская. Сколько мне стоило труда отстоять эту работу. Это единственный случай, когда я вынужден был немножко сгибаться в поясе,

чтобы сохранить спектакль. Но не шел на компромиссы — ничего не сокращал, не менял текста.

Получается, что я всегда шел против течения. Не брался за «нужные» работы — к юбилеям, датам, а шел на эксперименты. Ставил Олби, который тогда был в новинку, Беккета. Правда, меня изгоняли в фойе, на малую сцену. Так что выходит, что не такой уж призрачно-романтический и чисто эстетский путь у меня был.

— Значит, вас волнует происходящее за стенами театра?

— Волнует. Но я боюсь впасть в риторику, в банальность вещи. В наши дни как-то неловко быть гурманом — никто не понимает, что это такое. Но я не расстраиваюсь. Хотя в какой-то период, года полтора назад, у меня появилась апатия. Я впервые стал думать не с радостью, а с болезненной усталостью, что у меня завтра спектакль, что будет собрание в театре, что все это уже было 15—20 лет назад — скучно, витиевато, с ложью какой-то внутренней. Я слышу, что в театре у нас все благополучно, финансовый план мы выполняем, взяли хорошую пьесу, в которой будет занята почти вся труппа. Но я вижу и лица актеров: «Господи, опять меня в эту пытку на полгода. А как же мои заработки в кино?» Вот это волнует, не знаю — откуда это...

— Вы сами видите выход из этого состояния?

— Выход какой? Он банален. Мне кажется, что исторически мы все уже проходили в этой стране. Моим учителем был Завадский и люди его поколения. Они мне рассказывали, что и в те времена существовала неуверенность, нестабильность. Люди также бегали, чтобы достать себе кусок колбасы подешевле. Я знаю, что Вера Марецкая втихаря просила своего поклонника продать валенки, чтобы купить себе флакончик каких-то духов. Все это было, и люди сохранились, несмотря ни на что. Но тогда существовали пусть ложные, как мы сейчас говорим, но идеалы: что все это временно, но есть нечто великое и светлое. Сейчас молодого актера не убедить, что есть какое-то великое и светлое искусство. Сейчас практически каждый думает: «Есть ли у меня хорошая модель «видака» и хороший холодильник».

Но раз уж мы попали в ситуацию очередного строительства нового общества,

Геннадий БОРТНИКОВ:

## «ВЕРЮ В СУДЬБУ»



Наш разговор с Геннадием Бортниковым был спонтанным. О том, что к нему мог быть «повод», узнала уже в ходе беседы. Нынешний сезон для артиста юбилейный — 30 лет «безылазного служения» (как с иронией заметил Бортников) одному театру — имени Моссовета. Перестраиваться на юбилейный лад не стали, но так или иначе отголоски даты в нашей беседе все же сказались.

мы должны все выдержать и сохранить себя. Не изменить своим внутренним позициям. Не растратиться, не скрувиться, извините за грубое слово.

— Итак, театр по-прежнему «отражает» нашу жизнь?

— Когда одного мудрого американца-философа спросили, почему все так любит театр, он ответил: потому что театр — это модель государства. То есть по взлетам театра, по его падениям, растерянности или целеустремленности можно судить о состоянии общества. Да, театр «отражает». Но, как бы это сказать, лирически, что ли. Вот есть поэт-трибун, думаю-

щий, что он предвидит будущее. А есть поэт-лирик, который пока не напьется, пока не помучается помельче, ничего хорошего не напишет. Вот этот период пьянки, похмелья, желания высказаться (и главное, ведь есть, что сказать!) — это и есть образ сегодняшнего театра.

— Мы с вами совсем удалились в «высшие сферы». А как ощущал себя в этих ситуациях реальный артист Бортников?

— Ну я-то всегда был человеком неудовлетворенным. В этом не только мое счастье, но и моя трагедия — когда человек хочет больше, чем ему дают.

Театр ведь искусство коллективное, причем не всегда в хорошем смысле этого слова. Поэтому я никогда не замыкал себя на профессии. Я вообще профессию актера до сих пор не понял. И не в обиду другим, я ее не очень уважаю и не уважал даже в те годы, когда с ней было связано больше иллюзий. Мне кажется, что человек, который ограничивает себя только этим, должен быть влюблен в свою профессию или до фанатизма, или до глупости. Я всегда считал, что в человеке существует несколько направлений. И вот когда я их в себе не соединял, а разводил, мне было радостно работать. Но как только я чувствовал, что эти линии сплетаются в одну, мне становилось грустно, скучно, а в отношении к театру и к окружающим появлялись какие-то негативные вещи. В эти минуты я убежал из театра, занимался режиссурой, сколачивал вокруг себя какие-то группы.

— А сейчас?

— После прошлогодней премьеры «Кина» я ощущаю себя лошастью, впряженной в воз, куда нагнали, помимо хороших вещей, просто кирпичи, чтобы мне было тяжелее везти. У меня отпало желание работать на большой сцене, с режиссером, которого мне предложат. Сейчас, наверное, будет затяжной период ожидания: того режиссера, который меня предпочтет, найдет. Или я вдруг найду себе такого режиссера и сумею его убедить со мной работать. Или с ума сойду и опять начну делать что-то, экспериментировать. Пусть в фойе, пусть на малой сцене, где угодно.

— В вашем тоне не чувствуется победного оптимизма?

— Просто я сейчас ушел в сторону. Половина моей жизни прошла под рубриками «Мой любимый зритель», «Мой любимый театр». Это, конечно, было ошибкой. Я всегда боялся потерять атмосферу театра, уйти хотя бы на два-три месяца. И даже если снимался в главных ролях, то не отменял ни одного спектакля: прилетел или приползал и играл. А сейчас вот взглянул на репертуар: я занят только в «Кине», «Гедде Габлер» и «Братьях Карамазовых», которые почти не идут.

Стал сниматься в кино, причем без разбора. Мне Людмила Гурченко как-то сказала: «Снимайся, пока снимают». Недавно вот про-

шел по телевидению сериал «Квартира» по Вячеславу Пьецуху. Там все играли чернуху, а я думаю, почему бы мне «бытовуху» не сыграть? Вот в «бытовухе» сыграл. В детективе снялся. На «Беларусьфильме» — по Владимиру Набокову. Фильм был в прошлом году. Так что я не терял время, снимался понемногу.

Раньше я всегда с иронией относился к жанру «буагомарания». А сейчас появилось вспомнить Раневскую, Плятта, Орлову.

— Это будет книга?

— Да нет. Просто воспоминания для сборников. Потянуло к людям, с которыми некогда общался.

— У вас ведь есть еще и живопись?

— Ну живопись — это, конечно, несерьезно. Это такое отдохновение. Но, может быть, спектакль свой новый оформлю. Опыты такие уже были — и «Глазами клоуна», и Олби в «Сфере», и Беккет. Иногда просто так хочется побаловаться — пописать портреты своих знакомых.

— А от своего родного театра уже ничего не ждете?

— Нет. От этого театра ничего не жду.

— А мысли оставить его не приходили?

— Нет, это тоже будет, наверное, измена тем людям, с которыми я очень много проработал. Я вот сейчас говорю: Раневская, Плятта, Орлова... Но и не только. Я дружил и продолжаю дружить с простыми людьми, без которых театр немислим. Это люди, которые дальше пяти реплик в спектакле не шли. И не только в силу своего дарования. Так складывалась судьба.

А перспективы? Да, наверное, есть. Если в тебе существует внутренний запал, а я надеюсь, что он во мне сохранился, значит, хватит сил. Я иногда ощущаю себя сумасшедшим или, как говорил Достоевский, «с застывшей идеей в глазах». И если моя шизофрения натолкнет меня на что-то, буду, как одержимый, этим заниматься.

— Значит, все зависит только от вас?

— Я верю в судьбу и надеюсь на ее благоволение. Так что, видите: все зависит от меня и от Бога.

Беседу вела  
Ирина АЛПАТОВА.